

Г. М. ИППОЛИТОВ

Деникин

<Фрагмент>

Врангель был искусным интриганом. Стратегические разногласия с Главкомом он перевел в политическую плоскость. Намеренно предавал широкой гласности конфликты с Деникиным. Пытался тайно склонить на свою сторону крупных военачальников, не прочь был вбить клин в отношения Деникина с донцами. Но что характерно: в письмах своему отцу, судя по воспоминаниям Н. Е. Врангеля, сын сообщает только о разногласиях с Деникиным в сфере стратегии. О политических интригах — ни слова. Может, постыдился отца-то Петр Николаевич? Или Николай Егорович, малоизвестный отец двух известных сыновей (историк искусства Николай Николаевич и все тот же Петр Николаевич) что-то запаматовал, недопонял? Вряд ли сегодня мы это установим...

Интересны и оценки Астрова¹. Врангель вел интригу, — считал этот политический деятель, — сосредотачивая около себя симпатии и надежды правых кругов. Реставраторы и погромщики хорошо знали, что в лице главнокомандующего, его штаба они имеют идейно и духовно непримиримых противников. Им нужен был свой герой, свой фетиш. Они «без труда нашли его в генерале Врангеле».

По моему мнению, нельзя соглашаться безоговорочно во всем с Астровым. Врангель был как раз беспощаден к погромщикам и насильникам (ниже я об этом еще скажу). Весьма проблематично и то, что барон был близок исключительно только к правым. Ведь он, будучи военным диктатором, в Крыму проводил «левую политику правыми руками».

Но нельзя не согласиться с Астровым в том, что в лице Врангеля был представлен интригующий генерал, которого «разъедает честолюбие».

Шансы во врангелевской интриге против Деникина возросли после «Новороссийской катастрофы», так как авторитет Главкома ВСЮР катастрофически упал.

Антон Иванович глубоко переживает такую борьбу, понимая, что она усугубляет и без того тяжелую ситуацию.

В одном из неопубликованных писем генерал отмечает, что ему тяжело говорить о вражде с бароном, что она вообще «на потеху большевикам».

Думаю, что Деникин искренен в письме жене, когда отмечает, что у него тяжело на душе, так как кругом идет борьба за власть, которая его обременяет.

Первое время Деникин не обостряет отношения с Врангелем. Он пытается изолировать барона от активной деятельности. А Врангеля, как считал Астров, было опасно оставлять без дела, ибо в таком случае тот становился «источником тыловой фронды» и опасной интриги. Его необходимо было занять делом, а то у барона появился избыток времени, что позволило ему давать многочисленные интервью, с жалобами на то, что ему не дают работать на пользу дела.

И вообще, Врангель расценил нежелание Деникина принимать в отношении его жесткие меры как слабость. Барон при поддержке генерала Лукомского начинает активную атаку на Антона Ивановича. Тем более что Деникин жестко не отреагировал на письма-памфлеты Врангеля, в которых главком всемерно дискредитировался. Чего только, например, стоит такое утверждение из памфлетов Врангеля:

«Войска адмирала Колчака, предательски отставленные нами, были разбиты...»

Явная химера! Видимо, прав генерал Махров, вспоминая, что в конфликте с бароном Деникин «проявил себя долготерпимым».

А тут еще восстание капитана Орлова в Крыму.

Капитан Орлов не был ординарной фигурой. Прямо со школьной скамьи он ушел в армию, воевал в составе 60-го пехотного полка, был награжден орденом Святого Владимира и Георгиевским оружием. В 1918 году при правительстве Сулькевича в Крыму являлся инициатором создания общества взаимопомощи офицеров, под маркой которого действовала нелегальная офицерская организация, объединявшая до 2000 человек. После прихода добровольцев на основе организации был создан Симферопольский офицерский полк. Орлов участвовал в карательных операциях против партизан в Крыму, затем в Северной Таврии, а затем в Закаспийской области. Однако на фронт он не спешил.

Сущность «орловщины», по оценке Деникина, есть протест молодого офицерства против разложения тыла. Орлов хотел захватить власть в целях наведения порядка. Небезынтересно, что его восстанием воспользовалось большевистское подполье. Но этот «бунт на корабле» не имел успеха из-за отсутствия четкой политической программы, широкой социальной базы и был подавлен почти бескровно.

Для главкома ВСЮР восстание стало серьезным ударом по без того уже основательно пошатнувшемуся престижу. В общественном мнении «орловщина» чуть ли не обрела ореол восстания революционного офицерства против правых генералов. Врангель попытался

поддержать Орлова, чтобы извлечь пользу в борьбе с Деникиным. Тем более повстанец заверил барона в своей преданности. Поняв, что ставка на него не оправдывает себя, барон дистанцировался от Орлова, призвав его телеграммой во имя блага России подчиниться начальникам.

После подавления восстания Главком, видя, что Врангель не прекращает активной борьбы против него, группирует вокруг себя генералов-союзников (генералы Лукомский², Шатилов, Слащёв), предпринимает решительные действия. Подписывает 18 февраля 1920 года приказ об отставке первых двух из вышепоименованных генералов. Через английских представителей главком уведомляет Врангеля, что его присутствие в Крыму нежелательно. Тот уезжает в Константинополь. Между ними начинается переписка с взаимными упреками и оправданиями.

Врангель: «Вы видели, как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывал из Ваших рук, цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж.

Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти...

Русское общество стало прозревать... Все громче и громче называются имена вождей, которые среди всеобщего падения нравов остаются незапятнанными... Армия и общество во мне увидели человека, способного дать то, чего жаждали все.

Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая вождями, примером своим развращающим войска, такая армия не могла воскресить России...»

Деникин: «Милостивый государь, Петр Николаевич, Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжелый момент, когда мне приходится напрягать все душевные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было некоторое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы сами не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты. Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете.

Когда-то во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие. Пусть он теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло».

Врангель, написав письмо, тут же распространил его копии как в Севастополе, так и в Константинополе...

Деникин станет ждать... 1926 года, чтобы дать публичный ответ. Он будет следующим:

«История сделает свои выводы [из нашего поражения]. Она будет судить наши поступки, принимая в расчет обнищание страны и общую деградацию нравов; она должна будет произнести свой суд и над теми, кто несет ответственность за происшедшее.

Ответственность правительства, которое не смогло обеспечить существование армии, командующего, не способного удержать в узде своих подчиненных, военачальников, не сумевших — или не захотевших — установить дисциплину в своих частях, ответственность солдат, неспособных противостоять искушениям, народа, отказавшегося пожертвовать временем и деньгами, ответственность попрошайек, тартюфов, ищущих выгоды авантюристов всех родов...»

